

Безрядин Станислав Васильевич

КОРАБЕЛЬНАЯ СЛУЖБА ВРАЧЕЙ РУССКОГО ФЛОТА

Статья рассматривает организацию корабельной службы врачей Российского Императорского флота. Среди исследуемых вопросов: медицинское обеспечение кругосветных плаваний, описание врачами флота зарубежных стран и формирование понятия о военно-морской гигиене. Уделяется внимание вопросам истории отечественной медицины. Корабельная служба судовых врачей признается ценнейшим источником уникальных знаний, аналитического материала для исследовательской и практической деятельности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. I. С. 25-27. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 359:947.081

Исторические науки и археология

Статья рассматривает организацию корабельной службы врачей Российского Императорского флота. Среди исследуемых вопросов: медицинское обеспечение кругосветных плаваний, описание врачами флота зарубежных стран и формирование понятия о военно-морской гигиене. Уделяется внимание вопросам истории отечественной медицины. Корабельная служба судовых врачей признается ценнейшим источником уникальных знаний, аналитического материала для исследовательской и практической деятельности.

Ключевые слова и фразы: русский флот; морской врач; медицина; кругосветное плавание; клипер; фрегат; плавучий госпиталь; крейсер.

Безрядин Станислав Васильевич

Воронежский государственный педагогический университет
gunter051@rambler.ru

КОРАБЕЛЬНАЯ СЛУЖБА ВРАЧЕЙ РУССКОГО ФЛОТА[©]

Корабельная служба военно-морских врачей Российского Императорского флота представляет малоизученную проблему отечественной исторической науки. Надо отметить, что судовой врач во время кругосветного плавания занимался здоровьем, питанием, режимом экипажа корабля, составлял отчеты о заграничных госпиталях и общем уровне развития медицинской науки в иностранных государствах, осуществлял ряд функций международного сотрудничества, создавал географические и социально-экономические очерки о зарубежных странах. В результате, военно-морской врач совмещал роль лекаря, географа и дипломата, что вполне объяснялось условиями повседневной жизни корабля русского флота, находившегося в кругосветном плавании.

Процесс профессиональной деятельности медиков флота достаточно полно описывается в специальных отчетах о плаваниях, регулярно издававшихся в журнале «Морской врач». Впервые подобные заметки вышли в 1861 г. о плаваниях фрегата «Аскольд» [2, с. 58] и клипера «Наездник» [9, с. 88]. Затем в 1862 г. вышли медицинские заключения о дальних походах корветов «Рында», «Гридень» и клипера «Опричник» [13, с. 64]. Впоследствии каждый годовой выпуск журнала «Морской врач» содержал сведения о болезнях моряков русского флота на судах во время кругосветных плаваний. По правилам, после дальнего похода медицинские журналы [10, д. 1, л. 4] и книги регистрации больных [Там же, л. 8] сдавались на хранение в архив Морского министерства России [Там же, д. 5, л. 2], но только после всестороннего и серьезного анализа, проводимого руководством медицинской части флота [Там же, д. 8, л. 9].

Некоторые из отчетов судовых врачей о кругосветных плаваниях содержали значительную долю критики по отношению к организации походов военных кораблей. В отчете старшего врача фрегата «Аскольд» Витковского были изложены печальные последствия плавания, имевшие веские причины: «...Хотя при осмотре команды, произведенном в Кронштадте, нашлось очень много людей чрезвычайно слабых, на которых нельзя было надеяться, чтобы они вынесли продолжительную и трудную кампанию, но мы надеялись, что перемена климата, отличное содержание, назначенное правительством нашим матросам, отправляющимся в дальние плавания, постоянные и неусыпные попечения командира о здоровье команды укрепят и восстановят силы слабых людей, что кампания наша пройдет счастливо, и у нас не будет ни множества больных, ни потерь от болезней и эпидемий» [8, с. 1]. В дальнейшем в официальном документе возникают строки, похожие на оправдание. Судовой врач свидетельствует, что экипаж фрегата «Аскольд» в принципе не состоял из людей, приспособленных к дальнему плаванию. Матросы страдали многочисленными заболеваниями, включая чахотку, т.е. туберкулез. Они по квалификационным требованиям русского флота были недостойны даже береговых команд. Врач говорит, что четверть команды должна была быть забракована, но подобного не сделали в период подготовки кругосветного плавания [Там же, с. 10].

Впоследствии результаты непрофессионального медицинского отбора офицеров и матросов для участия в дальнем плавании не замедлили сказаться на здоровье экипажа. Уже при плавании фрегата «Аскольд» в тропических странах начали развиваться хронические болезни и свирепствовала дизентерия. В лазарете корабля постоянно находились по 20 человек. Слабосильная, страдающая чахоткой команда практически не могла выполнять тяжкий повседневный труд. Многих нижних чинов невозможно было вылечить в условиях кругосветного плавания, и они пополняли статистику смертельных случаев на русском флоте [Там же, с. 17].

К счастью, подобный негативный опыт учитывался руководством Морского министерства. Например, врачи флота постоянно заботились о судовой гигиене. Вот что утверждала редакционная статья журнала «Морской врач»: «Таким образом, вопрос о судовых банях у нас на флоте не новый, как это мы видим: со стороны судовых врачей немало было приложено забот и хлопот, при проведении его на практике. Мы, в своем изложении, ограничились лишь некоторыми судами, на которых были устроены бани и не касались других, во избежание повторений. Будем надеяться, что вопрос паровой стирки и сушки белья на наших судах с очевидным уменьшением рангоутных судов (*Имеется в виду парусное оснащение кораблей – С. В.*), при благосклонном внимании высшего строевого начальства и деятельном участии врачей, будет форменно, прочно поставлен на очередь и разрешен в смысле очевидной нужности судовой гигиены» [4, с. 54].

Некоторые новаторы среди корпуса военно-морских врачей флота заходили, с точки зрения военных моряков флота, слишком далеко. Так, старший врач линейного корабля «Иоанн Златоуст» доктор медицины Е. К. Яблонский призывал в своей статье упразднить традицию выдачи винной порции на флоте: «...настало время, когда необходимо уничтожить ежедневную выдачу винной порции; этого требуют интересы здоровья команд и обязанность держать на должной высоте боеспособность их» [15, с. 114]. В данном случае судовой врач замахнулся на невозможное. Начнем с того, что в русском флоте существовало понятие «казенной чарки» (*Русская чарка составляла 0,123 литра – С. В.*).

Часто военно-морские врачи публиковали полезные сведения о странах, где русский флот имел регулярные стоянки для своих судов. В своем обзоре младший судовой врач фрегата «Владимир Мономах» Н. В. Слюнин изложил мнение о минеральных водах Японии [12, с. 349]. Вообще, Япония как постоянная стоянка российских кораблей во второй половине XIX в. неоднократно находила отражение в заметках судовых врачей. Значительный интерес представляют записки о японских госпиталях врача М. Обезьянинова: «10 ноября 1894 г. благодаря любезности японских врачей в порте Фузан (*Корейский порт, находившийся в то время под японским контролем – С. В.*), мне удалось осмотреть городской японский госпиталь и устроенные при нем бараки для больных и раненых, доставленных с театра военных действий (*Японо-китайская война 1894-1895 гг. – С. В.*), а также собрать сведения о способах эвакуации их в Японию» [7, с. 64].

Заметки русских военно-морских врачей об уровне развития японской медицины были особенно актуальны в свете проходившей в то время японо-китайской войны 1894-1895 гг.

Приведенные заметки врачей о развитии японской медицины позволяют судить о том, какой рывок произошел с островной нацией буквально за несколько десятилетий. Еще в 1858 г. уже упоминаемый ранее старший судовой врач фрегата «Аскольд» Витковский описал состояние медицинских знаний в Японии. Причем он удивлялся, что японская медицина находилась, с европейской точки зрения, в младенческом состоянии. Она основывалась на употреблении трав и корней, приобретаемых у голландских врачей. Местные знахари даже не интересовались предназначением препаратов и давали их пациентам согласно своему скудному разумению. Понятие диагностики тогда у японских врачей отсутствовало в принципе. Среди наиболее рекомендуемых препаратов первое место занимали перенятые у голландцев ртуть и слабительные соли. У японцев не было госпиталей, учебных медицинских учреждений, а понятие народного здравоохранения никто не слышал из приближенных императора. Сифилис и глазные болезни достигли невероятных размеров.

Однако само многочисленное сословие безграмотных в профессиональном отношении врачей в Японии уважали местные жители. Голландские и прочие европейские медики вызывали у них суеверное опасение и не могли рассчитывать на сколько-нибудь серьезную практику [8, с. 22].

Конечно, судовые врачи оценивали во время дальних плаваний не только японскую медицину. Вот что отметил об уровне знаний своих голландских коллег судовой врач, доктор медицины Гольст: «...Вообще, для военных врачей знание медицины всего важнее, существеннее, знание же дисциплины дело второстепенное. Приобретению медицинского знания много препятствует разъединение военно-морской медицинской школы с университетом» [3, с. 112].

Военно-морские врачи изучали зарубежный опыт организации сухопутных и плавучих госпиталей. В своем рапорте судовой врач Свечников, служивший на мореходной канонерской лодке «Гиляк», рассказал о морском госпитале в Киле [11, с. 1]. В свою очередь, младший судовой врач броненосца «Сысой Великий» В. Кравченко написал статью о двух плавучих госпиталях – американском «Relief» и японском «Nakuai-magi» [5, с. 117]. Надо отметить и работу судового врача К. А. Элленбогена, посвященную немецкому госпитальному пароходу «Гера» [14, с. 128].

Отдельно необходимо отметить очерк доктора медицины Н. Башкирцева в журнале «Морской врач», делавшегося собственным опытом по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения, приобретенным во время знаменитой помощи русских моряков жителям разрушенного Мессина в 1908 г. [1, с. 239].

Содержалась в отчетах судовых врачей и информация о международных мероприятиях, проходивших во время дальних плаваний. В статье старшего судового врача крейсера «Адмирал Нахимов» И. И. Медведева рассказывается о целом ряде праздников, устроенных в честь русских морских врачей их коллегами во Франции в рамках укрепления союза двух стран [6, с. 65].

Можно сказать, что корабельная служба судовых врачей формировала уникальное знание, накопленное в полевых условиях. Одновременно она давала новый обширный аналитический материал для научной деятельности медицинской части русского флота. Медицинские отчеты судовых врачей, побывавших в дальних плаваниях, тщательно изучались Морским министерством, а некоторые из них привлекали внимание Министерства иностранных дел. Подобный объем профессиональной деятельности военно-морских врачей позволяет утверждать их особое место в корабельной иерархии и осуществление функций, затрагивавших межведомственные отношения в системе государственной службы Российской Империи.

Список литературы

1. Башкирцев Н. Три дня в Мессине на крейсере «Аврора» // Морской врач. 1911. № 5. С. 239-248.
2. Витковский. Медицинский отчет о кругосветном плавании 46-ти пушечного фрегата «Аскольд» // Морской врач. 1861. Вып. 1. С. 58-88.
3. Гольст. О санитарной части в Голландских портах // Морской врач. 1870. Вып. 9. С. 112-115.
4. К вопросу о телесной чистоте на судах нашего флота вообще и о паровой стирке и сушке белья, в частности // Морской врач. 1896. № 1. С. 50-55.

5. Кравченко В. О плавучих госпиталях «Relief» и «Nakuai-maru» // Морской врач. 1902. № 2. С. 117-127.
6. Медведев И. И. Праздники в честь русских морских врачей во Франции // Морской врач. 1894. № 1. С. 63-67.
7. Обезьянинов М. Краткие заметки о японских госпиталях // Морской врач. 1895. № 7. С. 60-67.
8. Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 год. СПб., 1872. Т. 3. С. 1-52.
9. Описание кампании клипера «Наездник» // Морской врач. 1861. Вып. 1. С. 88-110.
10. Российский архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 408. Оп. 2.
11. Свечников. Морской госпиталь в Киле // Морской врач. 1901. № 1. С. 1-4.
12. Слюнин Н. В. Краткий обзор минеральных вод Японии // Морской врач. 1888. № 5. С. 349-359.
13. Тимрат. Медицинский журнал, составленный во время кругосветного плавания винтовых корветов: «Рында», «Гридень» и клипера «Опричник» // Морской врач. 1862. Вып. 2. С. 64-105.
14. Элленбоген К. А. Описание госпитального парохода «Гера» // Морской врач. 1902. № 2. С. 128-136.
15. Яблонский Е. К. Материалы к статистике винной чарки на судах флота // Морской врач. 1912. № 1. С. 114-119.

SEA DUTY OF DOCTORS OF THE RUSSIAN NAVY

Bezryadin Stanislav Vasil'evich
Voronezh State Pedagogical University
gunter051@rambler.ru

The article considers the organization of the sea duty of the doctors of the Russian Imperial Navy. Among the investigated issues are the following: the medical support of round-the-world voyages, the Navy doctors' description of foreign countries and the formation of the concept of marine hygiene. The author pays special attention to the issues of the history of the Russian medicine. The sea duty of ship doctors is considered to be the most valuable source of unique knowledge, analytical material for research work and practical activity.

Key words and phrases: the Russian Navy; ship doctor; medicine; round-the-world voyage; clipper; frigate; ship hospital; cruiser.

УДК 7.03

Искусствоведение

Статья раскрывает некоторые особенности становления композиторской школы Сирии во второй половине XX века, в период формирования национального государства. Рассматривается творческая и организационная деятельность Сольхи Аль-Вади (1934-2007), выступившего лидером национальной музыкальной культуры нового типа. На примере некоторых произведений композитора показано взаимодействие элементов и форм традиционного арабского искусства с нормами композиторского творчества письменной традиции. Описание произведений сирийского композитора в отечественной искусствоведческой литературе осуществляется впервые.

Ключевые слова и фразы: музыка Сирии; Сольхи Аль-Вади; национальная культура; становление композиторской школы; взаимодействие традиций.

Беляева Евгения Владимировна

Казанская государственная консерватория (академия) имени Н. Г. Жиганова
genya_krasnova@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ КОМПОЗИТОРСКОЙ ШКОЛЫ СИРИИ И ТВОРЧЕСТВО СОЛЬХИ АЛЬ-ВАДИ[©]

Сирия, являющаяся одной из крупнейших арабских стран Ближнего Востока, имеет свои многовековые культурные традиции. Однако ее современный «музыкальный портрет» до сих пор не создан. Композиторская школа Сирии в отечественном музыкознании ранее не изучалась, единственная работа, написанная о сирийской музыке ливанской пианисткой Сахар Мухлем, посвящена проблеме периодизации «традиционалистского» этапа музыкальной культуры [6]. О творчестве композиторов Сирии отсутствуют не только специальные монографические работы; произведения и имена композиторов этой страны не фигурируют даже в обзорах развития современной музыки Азии. В данной статье представлены материалы, связанные с первым этапом становления сирийской национальной композиторской школы, собранные и систематизированные автором в период работы в Институте музыки в Дамаске в 2005-2012-х годах.

Как и во всех странах Востока, в Сирии соотношение традиционной устно-профессиональной и композиторской письменной музыки в исторической панораме несоразмерно по времени существования традиции. Устный профессионализм – это несколько веков, композиторская музыка письменной традиции – лишь несколько десятилетий. Десятилетия истории композиторской музыки отражают современное развитие культуры в Сирии, новые параметры межкультурных коммуникаций внутри страны и со странами мира. Они отражают соотношение традиционного и новаторского в поисках облика современной музыкальной культуры страны и путей ее развития.